

Пол
Магдалино



СТРАДАЮЩЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ВИЗАНТИЙСКАЯ АСТРОЛОГИЯ

Наука между православием и магией

Пол Магдалино
Византийская
астрология. Наука между
православием и магией
Серия «История и наука Рунета.
Страдающее Средневековье»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70238755

Византийская астрология: наука между православием и магией:

ISBN 978-5-17-149110-9

Аннотация

Астрология – древнейшая наука о небесных светилах и их влиянии на все живое на Земле. Она зародилась на берегах Евфрата, откуда впоследствии распространилась в Египет, Малую Азию и Грецию. Для людей эпохи Античности астрология, наряду с магией, была способом познания окружающего мира, предсказания будущего и подчинения сил природы. Однако во времена поздней Римской империи с распространением христианства отношение к античным учениям изменилось на пренебрежительное, и предсказательная практика оказалась под запретом на законодательном уровне. Тем не менее в Византии VII-XIV веков интерес к астральной дивинации не угас: апологеты

древнего учения пытались представить его легитимным и соответствующим христианскому вероучению. Идея состояла в том, что, если изучение небесных тел поможет расшифровать их значение для людей, – такой труд следует считать благочестивым и прославляющим Творца через исследование Его творения. Благодаря свидетельствам анонимных ученых, светских интеллектуалов, монахов и императоров автор пытается проследить, как наука о звездах, вместе с астрономией и математикой, искала оправдания своему существованию в новом христианском обществе.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От переводчика	6
Предисловие	9
Введение	13
Глава 1	31
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Пол Магдалино
Византийская
астрология: наука между
православием и магией

Original French edition © Lethielleux 2006

© А. Ю. Виноградов, перевод, предисловие, 2024

© Издательство АСТ, 2024

От переводчика

Отрадно осознавать, что русский перевод книги выдающегося византиниста Пола Магдалино все же нашел свой путь к читателю. Путь этот был сложен и непрост, как непроста и сама книга о византийской астрологии, в том числе и для перевода.

В ее основу легли лекции, прочитанные Магдалино в Париже. Это обстоятельство сказалось не только на языке книги, но и на ее стиле. Британский исследователь здесь словно состязается с французскими коллегами, историками интеллектуальной жизни Византии, и потому работает в привычном французской науке дискурсе, где красота мысли ценится не меньше ее глубины. В русской научной традиции такой регистр, пожалуй, отсутствует, и потому мы предпочли сосредоточиться в первую очередь на передаче идей автора, а не красот его языка. Тем не менее читатель, надеемся, почувствует уникальный авторский стиль, который родился в результате сплава научной дискуссии, анализа источников и поиска их места в интеллектуальном мире Византии.

Книга Пола Магдалино – не справочник по византийской астрологии. Это, как было сказано, исследование интеллектуальной жизни Византии и места астрологии в ней. Автор не пересказывает средневековые гороскопы и не разбирает методы их составления, но пытается проследить, как

астрология, вместе с астрономией и «математикой», искала оправдания своему существованию в насквозь христианизированной империи. Пред нами предстают анонимные ученые и багрянородные императоры, ученые епископы и светские интеллектуалы, монахи и военные, которые пытаются осмыслить степень дозволенности астрологии в предсказании будущего и в общей системе наук. Через эти попытки Магдалино и описывает противоречивую историю византийской астрологии, переживавшей, подобно небесным телам, свои взлеты и падения.

Как уже было указано, большую роль в книге играет научная дискуссия касательно персон и идей византийской астрологии. Поэтому мы сохранили ту форму научного и ссылочного аппарата, которым пользовался автор, лишь несколько адаптировав ее для лучшего понимания русским читателем. Все греческие тексты, цитируемые в книге, переведены нами заново, иногда с добавлениями небольших пассажей, опущенных Магдалино. Исправлены также опечатки оригинального издания, и для удобства читателя добавлена рубрикация глав.

В заключение хотелось бы сказать слова благодарности всем, кто помогал в работе над переводом книги. Ее научным редактором должен был стать Артемий Стрелецкий, и, хотя наше сотрудничество не состоялось из-за срыва сроков и творческих разногласий, мы благодарны ему за указания на ошибки в нашем переводе. Огромное спасибо следу-

ет сказать и Льву Луховицкому, который стал научным редактором книги и внес в ее перевод много ценных исправлений. Наконец, особая благодарность команде «Страдающего Средневековья» и издательству АСТ, которые добились выхода настоящей книги в свет.

Предисловие

Византийская астрология мало изучалась с момента создания *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum* век тому назад. Во второй половине XX в. только покойный Дэвид Пингри продолжал труды Ф. Болля, Ф. Кюмона и их соратников, пока Анна Тион в последнее время не заинтересовалась изучением астрономических данных византийских гороскопов. Но Пингри, как и создатели «Каталога», занимался историей рецепции древней астрологии, что заставило его проследживать те сложные пути, которые нескольким античным текстам пришлось пройти по персидскому, индийскому и арабскому Востоку, прежде чем привлечь внимание греческого и латинского Средневековья. Притом Пингри был почти единственным, кто осознавал интеллектуальную ценность астрологии как неотъемлемой части античного наследия византийцев. Другие византинисты, высказывавшиеся по поводу этого наследия, либо презирали его, либо пренебрегали им. В 1989 г. Ванда Вольска-Конюс все еще не решалась признать, что Стефан Александрийский, последний философ Античности, мог быть астрологом и алхимиком. Однако такие сомнения очень полезны для переоценки как личности Стефана, так и оккультной науки в Византии вообще.

Для этой переоценки приоритетными остаются исследо-

вания филологического и технического плана: иными словами, когда дело доходит до астрологии, новое поколение должно продолжить работу Дэвида Пингри. Ему предостойт опубликовать множество неопубликованных текстов и уточнить связь греческих текстов с арабской традицией. Но ждать, пока эта филологическая и издательская работа будет завершена, дабы начать обсуждение материала, означает обречь тексты на молчание, ибо лишь в живом контексте они могут обрести свой голос, чтобы привлечь внимание исследователей. Невозможно точно понять их значение и оценить важность этих текстов, если хоть приблизительно не представлять условия их бытования: тех людей, более или менее ученых, которые их писали и использовали; тех заказчиков, более или менее влиятельных, которые их читали и платили за них ученым; и, прежде всего, тот образ мысли, который поощрял и оправдывал деятельность астрологов, в общем и целом осуждавшуюся господствующей идеологией. Работа специалистов может застопориться, если ее не оживить терапией.

Византийская астрология привлекла мое внимание двадцать пять лет тому назад, так как один из самых выдающихся византийских императоров, Мануил I Комнин, подвергся сильной критике, публично защищая ее. Впоследствии она снова заинтересовала меня потому, что, на мой взгляд, дала ключ к пониманию интеллектуальных течений при дворе другого интересного и загадочного императора – Льва VI,

единственного, кого потомки прозвали Мудрым. Именно поэтому придворные астрологи так занимали меня в 1997 г., когда я был приглашенным исследователем в Четвертой секции Высшей школы практических исследований. Настоящая книга – итог этой работы. Она дважды обязана своим существованием Жаку Лефору, который не только пригласил меня прочесть такой курс, но и стимулировал развитие моих взглядов на византийскую астрологию, а в конце концов предложил опубликовать их в серии «Византийские реалии». С тех пор он с замечательным терпением ждал завершения рукописи, за что я ему очень благодарен.

Настоящая книга основана на моем курсе лекций 1997 г., однако их текст был в значительной степени пересмотрен и расширен в ходе развития моих идей, углубления познаний и появления новых публикаций. Я выражаю свою признательность всем, кто прямо или косвенно помогал мне в этом процессе: публике, которая слушала меня, а иногда и реагировала на семинарах и конференциях в Йорке, Оксфорде, Сент-Эндрюсе, Кембридже и Дамбартон Оуксе; сотрудникам библиотек Сент-Эндрюса, Дамбартон Оукса и Института Варбурга в Лондоне; другим людям, с которыми я обсуждал различные аспекты своих астрологических интересов. Я особо хотел бы отметить Моссмана Руэше, Анну Тион, которая держала меня в курсе своих работ, и Марию Мавруди, которая любезно прочитала завершённую рукопись.

Наконец, самое главное, я хочу поблагодарить тех, без

кого книга вышла бы позже и с большим числом недостатков. Британская академия, предоставив мне существенную поддержку (Research Readership), освободила меня от преподавания на два года, благодаря чему я смог углубиться в данную тему и расширить в нескольких местах ее источниковую базу, а главное, добавить новую главу, которая не была предусмотрена первоначальным замыслом. Красимира Плачкова подвергла весь текст строгой стилистической и языковой правке, часто игнорируя мои протесты, «чтобы он стал более читаем». Таким образом, если окажется, что труд Тельца закончен под благоприятным аспектом, то это во многом благодаря Близнецам.

Эта книга посвящена памяти Дэвида Пингри, который скончался 18 ноября 2005 г.

Введение

Византия представляла себя как Римскую империю, доведенную до совершенства благодаря торжеству христианской правды над эллинскими заблуждениями. Конечно, она не могла обойтись без последних: от крестьянского фольклора до высокого богословия, православие средневекового греческого Востока опиралось на мощный слой тех представлений, практик и методов, которые были унаследованы от языческой древности. Тем не менее эллинизм выжил ценой того, что согласился на рабское положение и никогда не поднимал головы. Любой, кто хотел заняться греческой *пайдеей*, должен был сначала объявить ее ложной и чуждой.

Статус астрологии внутри византийского эллинизма был одним из самых сложных. Действительно, она сохранила от своих халдейских и египетских истоков ту тщательно культивируемую экзотику, которая придавала ей большую привлекательность, но одновременно и связывала ее с неверным врагом на Востоке, будь то сасанидская Персия или мусульмане. Несмотря на то, что астрология была глубоко интегрирована в греческую мысль, как стоическую, так и аристотелевскую, из-за своего фатализма и суеверий она вызывала множество опасений морального плана еще задолго до

восприятия ее христианством¹. Законодательный запрет на астрологию окончательно был утвержден при Диоклетиане, страстном защитнике традиционной римской религии². Что касается Церкви, ее позиция была ясна: христиане не должны ни практиковать искусство, которое отрицает свободную волю и приписывает звездам функции божественного Провидения, ни искать у него совета. Очень быстро Отцы Церкви отказались от всякого астрологического смысла в стихе книги Бытия о сотворении светил (1, 14)³ и отнесли редкие проявления астрологии в истории спасения к тому этапу, который предшествовал полному раскрытию истины. Так были объяснены халдейская наука Авраама⁴, египетская наука Моисея⁵ и, самое проблематичное, поклонение волхвов (Мф

¹ См. в общем BOUCHÉ-LECLERCQ, *L'astrologie grecque*; CRAMER, *Astrology in Roman Law and Politics*.

² CJ IX, 18, 2; ср. FÖGEN, *Die Enteignung der Wahrsager*.

³ Быт. 1, 14: Καὶ εἶπεν ὁ Θεός· γενηθήτωσαν φωστῆρες ἐν τῷ στερεώματι τοῦ οὐρανοῦ εἰς φαῦσιν ἐπὶ τῆς γῆς, τοῦ διαχωρίζειν ἀνὰ μέσον τῆς ἡμέρας καὶ ἀνὰ μέσον τῆς νυκτός· καὶ ἔστωσαν εἰς σημεῖα καὶ εἰς καιροὺς καὶ εἰς ἡμέρας καὶ εἰς ἐνιαυτούς («И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времён, и дней, и годов»).

⁴ Авраам предстает как астролог у JOSEPH FLAVIUS, *Antiquitates judaicae* 1.158–161, и EUPOLEMUS, которого вместе с Иосифом цитирует EUSEBIUS, *Preparatio evangelica*, IX, 16, 17, 18, ed. transl. E. DES PLACES, SC 369, Paris, 1991, p. 232–241; ср. также CLEMENS ALEXANDRINUS, *Stromata*, V 8, ed. A. LE BOULLUEC, transl. P. VOULET, SC 278, Paris, 1981, p. 36–39, comm. A. LE BOULLUEC, p. 58–59.

⁵ Деян. 7, 22; Филон и Климент уточняют, что эта «пайдейя» включала в себя астрологию: PHILO ALEXANDRINUS, *De vita Mosis*, I–II, ed. transl. R.

2, 1–12), предупрежденных о рождении Господа звездой, которую они уверенно и точно истолковали⁶.

Астрология, искусство тонкое и изысканное, поднимала гадание то до уровня религии, то до уровня науки, легко приспособляясь к нуждам медицины и магии. Из-за этого она была слишком опасна, чтобы ее признала власть, которая претендовала на то, что получает свой авторитет прямо с небес. Поэтому астрологи больше, чем другие ученые, предпочитали находиться в тени. Если астрология стала и осталась реальностью византийского мира – что хорошо прослеживается на протяжении всего Средневековья, за исключением XIII в., – то это можно объяснить скорее практикой, чем теорией, а именно теми услугами, которые она оказывала, а не тем учением, которое проповедовала. Конечно, существовал ряд нюансов, но в целом картина выглядела так.

Однако примечательно, что нам известны по крайней мере два момента, когда приверженцы астрологии решились на попытку оправдать ее. Безусловно, наиболее известен инцидент XII в., во многом за счет того, что инициатива исходила от императора Мануила I Комнина и сразу же вызвала враждебную реакцию, отзвуки которой мы находим у ве-

ARNALDEZ – C. MONDÉSERT – J. POUILLOUX – P. SAVINEL, Paris, 1967, p. 155. Цель этого утверждения – сделать Моисея предшественником греческих философов.

⁶ См. BOUCHÉ—LECLERCQ, p. 611–613; MOLNAR, *The Star of Bethlehem*; G. DORIVAL, *L'astre de Balaam et l'étoile des mages, La science des deux*, GYSELEN ed., p. 93–111; O. Ricoux, *Les mages à l'aube du chien, ibid.*, p. 219–232.

ликого историка того времени Никиты Хониата. Напротив, предыдущие попытки, начиная с VIII в., не привлекли к себе внимания. Речь идет о двух коротких трактатах, по крайней мере один из которых – псевдоэпиграф. Они не оставили заметных следов в истории того времени, и поэтому современные исследователи византийского «возрождения» пренебрегли ими. Тем не менее содержащаяся в них апология имеет новаторский характер.

Императорское и церковное законодательство поздней Римской империи недвусмысленно запрещало астрологию. Но вот в уменьшившейся и воюющей Византии «темных веков», в обществе ветхозаветного духа, пронизанном идеей ортодоксии и занятом полемикой о поклонении иконам, астральная дивинация породила совсем другую апологию. Эту апологию более разнородная и сложная культура поздней Античности сформулировать не осмелилась – во всяком случае такая формулировка не дошла до нас.

Как объяснить такой поворот событий?

Цель нашего исследования – углубить историческое значение этой византийской попытки обелить астрологию, представить ее легитимной и соответствующей христианскому вероучению. В последующих главах мы попытаемся проследить происхождение, судьбу, контекст и влияние ключевой идеи, содержащейся в трактатах высокого Средневековья. Идея состояла в том, что изучение небесных тел с целью

расшифровать их значение для людей – это древняя и уважаемая наука или даже благочестивый труд, который прославляет Творца, исследуя Его творения.

Откуда взялась такая идея? Анализ текстов позволяет нам сделать вывод, что апология астрологии была сформулирована на Востоке христианскими учеными, работавшими по заказу первых халифов-Аббасидов. Но если такая апологетика в столь развитой форме и возникла из ранней арабской науки, то аргументы, которые она использует, куда древнее. И апологетика, и арабская наука восходят к школам христианской Александрии, особенно к их последнему великому представителю – Стефану. Изучение всех данных об этой фигуре позволяет сделать вывод, что он не просто преподавал астрологию в рамках квадривиума (четырёх математических наук: арифметики, геометрии, музыки или гармонии и астрономии), но и был приглашен из Александрии в Константинополь императором Ираклием во многом благодаря своим астрологическим умениям. На своей новой преподавательской должности в столице Стефан участвовал в создании того, что модно назвать официальной культурой космического синтеза. Она была идейной параллелью к той «мировой войне», которую Ираклий вел против Персидской империи и которая должна была закончиться с уничтожением одной из воюющих сторон – в любом случае, с концом истории. В этой космической драме конца времен, наряду с христианскими пророчествами, сыграло свою роль одно из пред-

сказаний по звездам, мастерами которых считались персы. Это предсказание не только способствовало пропаганде войны, но и сформировало видение мира, который начнется после окончательной победы ромеев. Вот та перспектива, которую представляет нам византийская литература около 630 г.: видение гармоничной Вселенной, которую проработало до мельчайших деталей высшее Провидение и которую согласно интерпретируют все науки. Видение, очень благоприятное для христианизации астрологии, но быстро омраченное арабскими завоеваниями и крахом религиозной политики Ираклия. Миротворческий универсализм уступает место полемике об антропоцентрической ортодоксии. На кафедре у Стефана Александрийского не было преемников, но тем не менее он оставил учеников и книги, а астрология сохранилась даже в Константинополе. Память о великом философе, который соединял христианскую веру с научной эрудицией, позволяющей углубить космические симпатии, сохранилась в следующих поколениях.

Около 800 г. апология астрологии, порожденная развитием арабской науки, знаменует собой не только возрождение древнего знания, но и возвращение легендарного философа. В ученой культуре первой половины IX в. доминируют две фигуры из интересующей нас области: Иоанн Грамматик и Лев Математик. Тем не менее их деятельность подвергалась угрозе из-за их приверженности иконоборчеству, которое, на наш взгляд, было интеллектуальным течением, про-

исходящим из натуралистической и символистской концепции божественного творения и сознательно исключаящим антропоморфизм. Хотя они не оставили свидетельств об основах своего научного мышления, их можно найти в трудах ученика Льва Математика Льва Хиросфакта. Они особенно проявляются в его богословской поэме, где монотеизм игнорирует Воплощение и Церковь ради интеллектуального гнозиса, призывая к познанию Бога через научное чтение небес. Этому аниконическому «сциентизму» противостоит «гуманизм» вполне ортодоксального Фотия. Именно эта гуманистическая и риторическая тенденция и будет преобладать в долгосрочной перспективе, несмотря на благосклонное отношение к астрономии и астрологии при дворе Льва VI Мудрого (886–912). Тем не менее преподавание математических наук было прочно восстановлено. Астрологией продолжают заниматься: в XI в. она обогатилась благодаря контактам с арабским миром и по-прежнему привлекала внимание таких великих ученых, как Михаил Пселл и Симеон Сиф. Однако к теоретическому обоснованию астрологии не решались вернуться до тех пор, пока император Мануил I Комнин не освятил такое предприятие авторитетом императорской власти. Новая апология астрологии, которую он произносит под своим именем, свидетельствует о серьезности интеллектуальных притязаний астрологов в Константинополе XII в. В свою очередь, резкий ответ Михаила Глики показывает, что позиция православных ученых не желала колебаться да-

же при прямом вмешательстве императора. Необходимо было дождаться распада византийской картины мира в XIV в., чтобы византийские ученые смогли снова открыто заявить о связи между макрокосмом и микрокосмом.

Настоящее исследование – не история византийского богословия или науки – оставим их специалистам. Наши рассуждения будут лавировать между этими дисциплинами, действуя за рамками обеих. Если они породят некоторые идеи, которые специалисты сочтут полезными, тем лучше. Главная же цель в том, чтобы предложить неспециалистам свое прочтение истории византийской культуры, которое, выходя за пределы обычных категорий, познакомит их с малоизвестной и, возможно, неожиданной Византией. Нас интересует то значение, которое византийцы придавали миру природы, в частности миру небесному. Таким образом, наше исследование продолжает исследование Генри Магвайра, посвященное изображению земного мира в ранневизантийском искусстве⁷. Со стороны естественных наук мы приходим к аналогичному выводу – что богословие иконы заменило собой созерцание Вселенной как проявления созидательной работы Божества, торжественному прославлению которой были посвящены христианское искусство и экзегеза до VII в. Последствия этого для византийского искусства довольно хорошо известны – для научного мышления они никак не меньше.

⁷ MAGUIRE, *Earth and Ocean*, passim.

Мы знаем, что последнее не блистало в Византии по сравнению с соседними цивилизациями: сначала исламской, а затем, начиная с XII в., – латинским Западом. Но объяснение этого уникального факта не столь очевидно, особенно если учитывать, что из этих трех культур именно Византия была прямой наследницей научной традиции древности. Тексты Аристотеля, Птолемея, Галена, Евклида с самого начала имелись в библиотеках Константинополя, и там необходимости их переводить не было. Заманчиво видеть в этом слишком легком доступе к античной науке тот путь, который завел византийцев в интеллектуальный тупик. Им не хватало жадности до знаний: обычно не хочется открывать то, что, как кажется, уже открыто. Византинисты слишком привыкли упрекать византийских литераторов в том, что те держались буквы греческих классиков, пренебрегая их духом. Заметим, что, действительно, занятия риторикой и филологией, за очень немногими исключениями, сильно занимали самых ярких эрудитов-ученых. В этом отношении Византия подхватила и даже усилила ту доминирующую черту греко-римской культуры, эволюция которой со времен софистов уже предпочитала слово в ущерб идее. Но было ли увлечение риторикой причиной или следствием этого научного тупика?

Вряд ли можно ответить на этот вопрос, не разобравшись с неудобной ролью византийского православия. Особенно если учесть, что в Константинополе государство, религия и

культура взаимопроникали друг в друга до такой степени, до какой никогда не доходили полицентричные миры ислама и Запада. Однако религия не обязательно была враждебна научным исследованиям, иногда она даже поощряла их. Так, историки науки признают, что научный процесс Нового времени изначально был глубоко вдохновлен религиозным мышлением и, прежде всего, благочестивым любопытством касательно изучения замысла Творца при создании мира⁸. Но с того момента, когда православие определило себя как почитание образа воплощенного Слова, именно этой связи между космологией и теологией и стало не хватать Византии. Тот, кто может видеть человеческое лицо Бога и познавать божественные энергии, действующие через Его святых, больше не нуждается ни в знаках, ни в символах. Они дело людей, отвергающих истину, «эллинствующих» пантеистов или политеистов и «иудействующих» (включая мусульман), которые отрицают обожествление человека через Воплощение и Воскресение Христово. Когда у православного христианина отпала нужда рассуждать об уже открытой истине, наметилась та линия, которая ведет от Торжества православия в 843 г. к осуждению Иоанна Итала от имени православия в 1082 г. Это осуждение знаменует собой поворотный момент, в результате которого Византия фактически отказывается от

⁸ М.—D. CHENU, *La théologie au XIII^e siècle*, Paris, 1976; R. FRENCH – A. CUNNINGHAM, *Before Science: the Invention of the Friars' Natural Philosophy*, Aldershot, 1996, гл. 3–4; P. HARRISON, *The Bible, Protestantism and the rise of natural science*, Cambridge, 1998.

разработки схоластического метода, который на Западе способствовал научной революции.

В своем исследовании я постараюсь показать, что к этому отказу готовились уже в IX в., когда космология Второго иконоборчества потерпела неудачу. Но в то же время я хотел бы продемонстрировать, что эта неудача никоим образом не была предопределена развитием ранневизантийской культуры. Напротив, в VI–VII вв. диалог между богословием и космологией был очень плодотворен. Арабская наука – тому доказательство, ведь путь передачи знаний из Александрии в Багдад проходил через Византию в широком смысле этого слова. Другими словами, пути науки пролегли через эллинизированный Ближний Восток, который христианизовал неоплатоническую вселенную и транслировал аристотелевскую философию в культуру христиан из не-греков. Конечно, столица империи не была центром этой деятельности, но, тем не менее, она не была чужда ей, ведь временно стала центром Александрийской школы благодаря пребыванию здесь Стефана Александрийского. Действительно, астрологи при иконоборческом дворе помнили об этом и вдохновлялись этим, когда чувствовали необходимость конкурировать со своими коллегами из Багдада.

Вот, в общих чертах, та история, которую я намереваюсь изложить, проследив судьбу астрологии в Византии с VII по XIV в. Но поскольку речь идет об интеллектуальной жизни вообще, а не только о технических деталях науки, мож-

нозадаться вопросом, почему я решил говорить о предмете, опираясь на лженауку, которую просвещенные умы всегда презирали. В этой связи следует подчеркнуть, что существует значительная разница между средневековой критикой астрологии и скептицизмом современного человека. Первая была основана на морали и здравом смысле: она не отрицала космологических принципов астральной дивинации, которые были серьезно поставлены под сомнение только после астрономических открытий XVII в. (кстати, того столетия, когда астрология все еще пользовалась большой популярностью). Эта конструкция оставалась неизменной до тех пор, пока Земля сохраняла свое место в центре Вселенной, а Вселенная осознавалась как гармоничное целое, все части которого связаны друг с другом космической симпатией. Из множества формулировок этой идеи процитируем ту, которую святитель Григорий Нисский вкладывает в уста астролога, сторонника учения о судьбе (εἰμαρμένη):

«Поскольку между всем сущим имеется единая симпатия, а вселенная последовательна в себе и отдельные части рассматриваются в составе целого, как если бы они были членами одного тела, дышащими в унисон, причем все части согласуются друг с другом, из-за того, что верховная власть предводительствует, все земное располагается в согласии со своим вождем и ему соответствует, так что согласно движению вышних движутся по необходимости и здешние дела, в особенности же благодаря силе каждой из

Святитель Григорий может опровергнуть выводы, сделанные астрологами из этой космологии, но он не обсуждает сам принцип всеобщей симпатии. Этот принцип хорошо согласуется как с логикой явлений, так и с христианской концепцией творения, которую развивали Григорий и его брат Василий Великий, комментируя первую часть книги Бытия. Действительно, в этом комментарии Григорий сам использует тот аргумент, что «Вселенная последовательна в себе» (συνεχὲς ἔστι τὸ πᾶν ἑαυτῷ)¹⁰. Понятие всеобщей симпатии и гармонии очень хорошо отвечает требованиям монотеистического богословия, которое хочет, чтобы все направлялось и управлялось единым божественным принципом.

Конечно, этому богословию удобней иерархическая имманентность неоплатоников, чем трансцендентность иудео-христианского Бога. Тем не менее, поставив ее вне творения и лишив небесные тела душ, экзегеза лишь подчеркивает совершенство и значение космоса как провиденциального творения, в котором можно прочесть замысел Творца. Таким образом, астрология находится именно на той линии разлома, где христианская антропология соединяется с неоплатонической и александрийской космологией. Она остро ставит вопрос о соотношении в божественном промысле чело-

⁹ PG 45, col. 152; ed. J.A. MCDONOUGH, S.J., *Gregorii Nysseni opera dogmatica minora*, II, Leyden, 1987, p. 37–38.

¹⁰ PG 44, col. 105B.

века-микрокосма и вселенной-макрокосма, и отсюда такой интерес к изучению места астрологии в мире Максима Исповедника – того богослова, который наиболее глубоко исследовал данный вопрос.

Тем, кто, подобно Максиму, освобождаются от мира, предаваясь аскезе, мало дела до макрокосма, но тем, кто по-прежнему подвластен ритмам природы, астрология предлагает вечно привлекательный способ узнать о судьбе, как своей личной, так и всеобщей. Из всех форм гадания, унаследованных от древности, астрология была в глазах Церкви самой вредной из-за присущего ей красивого научного блеска, который всегда был в моде. Астрология использовала астрономию, математику и натурфилософию; она соединяла материалистический детерминизм стоиков с пифагорейской нумерологией и аристотелевской физикой. Ее предсказания основывались на совокупности астрономических наблюдений, которым приписывалось происхождение из далекого прошлого. Не было ничего более надежного и точного, чем солнечные, лунные, планетарные и зодиакальные циклы. А потому астрологические предсказания отличались объективностью и точностью. Но они становились и бесконечно изменчивы благодаря тонкой артикуляции зодиакальной системы: крайне сложная классификация знаков зодиака, разделение каждого на пограничные области и деканы, изобретение аспектов, возвышений и планетарных домов. Поэтому нюансы и двусмысленность были правилом при интерпрета-

ции гороскопов.

Смягченный практикой, астрологический детерминизм был затем перенесен в теорию великими александрийскими учеными первых веков нашей эры. Клавдий Птолемей определяет астрологию как физический раздел астрономии, чей прогноз ошибочен, так как применим не к движениям и конфигурациям небесных тел, а к эффектам, которые они производят, воздействуя на четыре элемента подлунной сферы. Поэтому их влияние может изменяться в зависимости от состава или качества материи, на которую оно воздействует¹¹. Еще одна переменная была введена в III в. Плотиним и Оригеном¹²: поскольку у Вселенной есть только одна причина, звезды не влияют на то, что происходит на земле, но из-за всеобщей симпатии они могут быть знаками. Это утверждение, внешне столь согласное с Быт. 1, 14, было выдвинуто для того, чтобы успокоить христианских астрологов, хотя Отцы Церкви после Оригена не восприняли его представление о небе как о книге, в которой ангелы читают божественное писание. Что же касается Плотина, то, несмотря на оговорки, вызывавшие враждебность некоторых астрологов, его одобрения было достаточно, чтобы обеспечить астрологии уважаемое место в неоплатонизме Порфирия, Ямвлиха

¹¹ CLAUDIUS PTOLEMAEUS, *Apotelesmatica*, 1.2, 17–19.

¹² PLOTINUS, *Enneades*, II, 3, 7; ORIGENES, *Philocalia*, ed. F. JUNOD, SC 226, Paris, 1976, § 23, p. 200–202. Cp. J. DILLON, Plotinus on whether the stars are causes, in *La science des deux*. GYSELEN ed., p. 87–92.

и Прокла. В принципе, учение о звездах-знаках должно было исключить учение о звездах-причинах, но на практике это различие, как правило, исчезало.

Поскольку астрология превосходила любую другую форму гадания своим интеллектуальным аппаратом, который помещал ее между наукой, философией и религией, она занимала центральное место и среди тех искусств, которые основывались на принципе всеобщей симпатии, так как охватывала высокую и светлую часть видимого мира. Ввиду того, что медицина, алхимия и магия допускали планетарные влияния на земные вещи, им нужна была астрология. Таким образом, астрология стимулировала новые методы во всех этих областях, и эти методы вряд ли могли быть реализованы без знания астрологии. Все это делало астролога по преимуществу универсальным ученым.

Кроме того, он был самым подходящим из всех ученых для царского двора, где иерархические структуры легко сливались со всеобщей гармонией, а монархи, охотно принимая на себя роль солнца, были весьма заинтересованы в том, чтобы контролировать вычисления всеобщей симпатии. Хотя их контроль часто осуществлялся путем подавления оккультных искусств и формального отказа от них, слишком склонных переходить на сторону узурпаторов, тем не менее, между астрологией и монархической властью существовало сходство. Было точно подмечено, что расцвет астрологии в Древнем мире совпал с расцветом Римской республики

и упрочением монархического режима Римской империи, самого могущественного из когда-либо существовавших в средиземноморском мире. Помимо этого, астрологи были весьма заметны в крупнейшей империи высокого Средневековья, которая наилучшим образом отражала универсалистский и унификаторский взгляд на политический монотеизм, – в Багдадском халифате¹³. Астрология, несомненно, внесла свой вклад в политическую идеологию первого Аббасидского халифа аль-Мансура, который для гос-подства над своими иранскими подданными хотел показать себя законным наследником царей-Сасанидов. Таким образом, город Багдад был обязан астрологии датой основания и, возможно, круглым планом¹⁴. Утверждалось даже, что это астрологическое течение было источником научного движения в Багдаде и, как следствие, византийского возрождения IX в. Для главного астролога аль-Махди, второго аббасидского халифа, астрология была царицей наук¹⁵. Мы постараемся показать, что это мнение имело больший резонанс в Византии, чем это можно было бы предположить ввиду молчания источников. Византия даже дала пример монотеистической по-

¹³ G. FOWDEN, *Empire to Commonwealth: Consequences of Monotheism in Late Antiquity*, Princeton, 1993.

¹⁴ См. GUTAS, *Greek Thought*, p. 33, 51–52; J. LASSNER, *The Topography of Baghdad in the Early Middle Ages*, Detroit, 1970; N. DEFRADE, Sources et développement de l'astronomie en terre d'Islam, in *L'apparence des deux*, MAKARIOU ed., p. 22.

¹⁵ THEOPHILUS EDESSENUM, in *CCAG V*, 1, p. 235.

пытки разоружить науку магов – иначе невозможно объяснить тесную связь между Ираклием и Стефаном Александрийским. В Великой войне с Персией астрология приобрела то политическое и эсхатологическое значение, которое официальная идеология не могла ни признать, ни опровергнуть.

Поскольку история византийской астрологии очень скудна, важно учитывать и то, чего не хватает, и то, что существует. Если идти по следам византийских астрологов и, самое главное, пытаться найти их там, где они, как кажется, стерты, можно связать три основные темы культурной истории Византии, которые особенно интересовали французских византинистов: ранний византийский гуманизм; святого, ученого, астролога; религию философов. Хотя наше исследование посвящено научной культуре, это та область, где представления масс и элит, эрудиция и суеверия, рациональность и доверчивость встречаются и смешиваются. Кроме того, астрология была связующим элементом между исламом и христианскими странами Средневековья. Таким образом, поместить ее в родной византийский контекст значит понять отчасти уникальность Византии.

Глава 1

Апология астрологии до XI века

Две ранние апологии астрологии. Византийские апологии астрологии открывает текст, сохранившийся в нескольких рукописях и носящий такой заголовок: «Стефана, александрийского философа, астрологический трактат для его ученика Тимофея, имеющий поводом новоявленное и безбожное законодательство Мухаммеда, но предсказывающий и много другого касательно будущего»¹⁶. Апология астрологии, которая нас здесь интересует, служит введением в гороскоп (θεμάτιον) ислама, который «Стефан», как указано, составил 1 сентября 621 г. в связи с известием о появлении Мухаммеда¹⁷. Гороскоп предвещает появление Пророка и правление его преемников до конца новой религии после ее двухсотлетней гегемонии.

Эта последняя часть труда дает нам косвенную информацию о дате его написания, так как прогноз в нем в значительной степени состоит из исторических заметок, представленных в будущем времени, в соответствии с распространенным

¹⁶ STEPHANUS ALEXANDRINUS, ed. USENER, *De Stephano Alexandrino*, p. 266–289. О Стефане Александрийском см. ниже, гл. 2.

¹⁷ Год указан в CONSTANTINUS PORPHYROGENITUS, *De administrando imperio*, ed. transl. MORAVCSIK – JENKINS, p. 80–81.

принципом античной и средневековой литературы. Действительно, хронологические указания на преемство халифов соответствуют историческим реалиям вплоть до смерти первого халифа – Аббасида аль-Мансура, умершего в 775 г. Для последующего времени они оказываются неверны, особенно касательно крушения халифата, которое должно было произойти в 822 г. Из этого можно сделать вывод, что текст в дошедшей до нас редакции был составлен примерно в 775–780 гг. Его автор или редактор, несомненно, происходил из халифата, историю которого он так хорошо знает¹⁸; но можно предположить также, что он был христианином, ибо ожидал близкого конца мусульманского владычества, ссылаясь на авторитет известного византийского философа Стефана Александрийского. Независимо от того, адаптирует ли автор подлинный труд Стефана¹⁹ или сам придумывает всю эту картину²⁰, он стремится связать Гороскоп ислама, а также астрологическую науку с научной традицией Александрии и

¹⁸ В библиотеке халифа хранился даже список нашего текста, если это действительно он, под названием «Апотелесматикон» Стефана Александрийского; он занимает первое место в списке запрещенных книг, приписываемом Абу Машару: *CCAG I*, p. 83; ср. *DAGRON, Apprivoiser la guerre*, p. 44–45.

¹⁹ Такая возможность уже была рассмотрена в *WOLSKA – CONUS, Stephanos*, p. 13, и развита в *PAPATHANASSIOU, Στεφάνου Αλεξανδρέως*, p. 111–117, которая считает, что первая часть текста, интересующая нас, написана Стефаном. Не исключая этой интерпретации и настаивая на том, что апология астрологии, предшествующая гороскопу, отражает точку зрения александрийского философа, мы будем придерживаться в дальнейшем традиционной датировки.

²⁰ По общему мнению, начиная с *USENER, De Stephano Alexandrino*.

последним ее великим представителем.

В любом случае он представляет себя как александрийского мэтра, который завершает образование ученика, изучавшего у него философию, геометрию, арифметику и музыку²¹.

Новость о Мухаммеде сообщает ему друг – купец Епифаний, который только что прибыл из Счастливой Аравии и прервал его урок, проходивший в маленьком школьном саду²².

Купец просит подготовить астрольбию, и Стефан поручает эту задачу своему ученику Софронию²³.

«Стефан» представляет астрологию как естественное завершение высшего образования. Трактат принимает форму урока, где практической демонстрации предшествует теоре-

²¹ *Ibid.*, p. 271–273.

²² Место уточнить невозможно. Визит друга – торговца из Аравии вполне подходил бы для Александрии, но в 621 г. Стефан находился в Константинополе из – за оккупации Египта персами, что, кстати, прервало сообщение между Аравией и Византией. Кроме того, возникает вопрос, заслужил ли бы в этот момент, в условиях «мировой» войны между Римской и Сасанидской империями, феномен Мухаммеда такое большое внимание даже со стороны бродячего торговца. Все это вызывает подозрение в ретроспективности гороскопа, составленного для объяснения исламских завоеваний.

²³ Говорящее имя, которое, по – видимому, подразумевает лицо, воплощающее собой православие, – Софрония Иерусалимского, человека высокой эрудиции и с научными познаниями, которые он приобрел, похоже, в Александрии у некоего Стефана Софиста. Но в 621 г. Софроний, который был никак не моложе Стефана, больше не учился, а Стефан уже два или три года как был в Константинополе. См. WOLSKA – CONUS, Stephanos, p. 47–59, 87.

тическое изложение, объясняющее «знание того, что допустимо и возможно в расположении звезд, которое Творец всего Бог дал нам постичь подобно пророчеству и пользоваться им не как разумным и одушевленным, но как подручным и служебным чином, который имеет творческую силу лишь физически, но не разумно»²⁴.

Таким образом, данный аргумент основан на различии между νοῦς (интеллектом, разумом) и φύσις (природой) – различии, которое подтверждается рядом аналогий, где влияние звезд сопоставляется с другими воздействиями природы.

Подобно тому, как Бог определяет все соединения четырех стихий, так же с помощью Солнца, Луны и других звезд Он производит времена года, дожди, ветры, колебания суши, морские бури, восстания народов, деяния царей, войны, захваты городов, пленения и убийства: все это происходит по божественной воле, которая использует движение звезд (с. 267–268).

Подобно тому, как ремесленник заранее готовит инструменты, необходимые для создания любого произведения искусства, Творец извлек, из первой бесформенной материи, формы Своих творений, устроив небесный мир (κόσμος τοῦ οὐρανοῦ), а также сотворенное и творящее разнообразие стихий. Именно благодаря сочетанию четырех стихий с энергией Солнца, Луны и других звезд Он заставил землю по-

²⁴ Ed. USENER, De Stephano Alexandrino, p. 267.

крыться зелены, ибо там, где нет Солнца и Луны, одной воды недостаточно для произрастания растений. Мы видим, как животные и растения появляются спонтанно, под воздействием Солнца, гниения (σῆψις) болот, мусора или гниющих тел. Именно в результате этой ферментации появляются и другие вещества, согласно разнообразию видов и положению звезд (с. 268–270)²⁵.

Хотя обычно говорится, что Солнце создает день и ночь, что Луна воздействует на моря и тела и что другие звезды, восходя, оказывают космические воздействия, сами звезды никак не осознают того, что они делают, не больше, чем огонь и вода.

Точно так же Солнце, Луна и другие звезды не осознают своего влияния на рождение и жизнь людей (с. 270).

Все существа пребывают в соответствии со своей собственной природой, но их внешние обстоятельства меняются. Человек, которому холодно, может согреться под лучами Солнца. Все обстоятельства, которые касаются тленных вещей, зависит от качества сочетания звезд. Узнав особенности их конфигурации, можно представить себе полную реализацию их импульсов. Подобно тому, как магнит притягивает только железо, которому он родственен, так и люди притягивают к себе все согласно положению звезд: один – мудрость, другой – богатство, третий – власть, и это не за-

²⁵ ΡΑΡΑΤΗΝΑΝΑΣΣΙΟΥ, Στεφάνου Αλεξανδρέως, р. 116, отмечает, что σῆψις – фундаментальный процесс в алхимическом труде, приписываемом Стефану.

висит ни от их воли, ни от их усилий, но Бог дает им то, что предопределено качеством, созданным для каждого посредством звезд (стр. 270–271). Это «физическое» обоснование астрологии напоминает обоснование Птолемея в преамбуле к «Тетрабиблосу», особенно в отношении совместного действия звезд и элементов. Таким образом, «Стефан» повторяет, пусть и косвенно, фундаментальный аргумент древней астрологии, который Огюст Буше-Леклерк сформулировал следующим образом:

«Разве Солнце, по общему признанию, не регулирует жизнь растений и животных? Разве Луна, которой древние приписывали определенное число особых влияний, помимо движения приливов, не воздействует на любое существо и все земное? И почему то, что бесспорно для Солнца и Луны, не верно – с сохранением тех же пропорций – для звезд, неподвижных или блуждающих?»²⁶

Но, в отличие от Птолемея и древней астрологии, наш автор ставит звезды и элементы на один и тот же физический уровень: первые, несмотря на свою большую высоту, не управляют последними, потому что все они в равной степени инструменты воли Творца. Таким образом, он излагает ту концепцию, которая полностью соответствует христианской космологии и избегает одного из основных возражений против астрологии: что она, как и языческая религия, наделяет

²⁶ BOUCHÉ—LECLERCQ, *L'astrologie grecque*, p. 74.

небесные тела разумом. Основное возражение Церкви касалось, конечно, астрального детерминизма, который должен был подавлять свободную волю человека и освобождать его от любой моральной ответственности. «Стефан» обращается к нему кратко, но действительно: перечислив природные и политические потрясения, происходящие по божественной воле посредством звезд, он четко выделяет «деяния Божьи», где грех не играет никакой роли, и те беды, за которые мы несем ответственность и в которых виноваты, например, воровство и блуд, «злотворную причину» (πονηροῦ λόγου αἰτία), и которые нельзя приписать Богу.

Недавние исследования связали данный текст с другим, который посвящен исключительно защите астрологии и тоже подписан именем философа Стефана. Этот трактат сохранился в двух больших сборниках астрологических текстов: Marc. gr. 335 и Vat. gr. 1056²⁷. Все, что мы знаем о его авторе, содержится во вводной части труда. Приведем его заглавие и две первые главы²⁸:

«Стефана философа о математической науке и о тех народах, которые ей пользуются, против говорящих, что она греховна, о том, что не принимающий ее заблуждается, о ее пользе и о том, что она почтеннее всех наук»

1. «Поскольку течение времени и периодическое возвращение иногда одни знания вводят, а другие

²⁷ ССАГ II, р. 181–186.

²⁸ ТИНОН, L'astronomie à Byzance, p. 185.

скрывают вплоть до полного забвения, причем двойко: либо равно у всех, либо лишь в некоторых городах, то, прибыв из Персии в этот счастливый город и обнаружив, что астрономическая и астрологическая часть философии в нем угасла, я подумал, о любимейшее и разумнейшее чадо Феодосий, что следует в удобном виде изложить это самое учение и оживить такое достойное любви знание, чтобы я не был сочтен и причислен к скрывающим свой талант. Чем здесь пренебрегли из-за сложности изложения таблиц и того, что некоторые считают это греховным, удостоилось у язычников такой заботы, что было снабжено инструментами, наблюдено из некоей другой начальной точки и точно вычислено, как это было наблюдено Птолемеем и другими мудрецами. Поскольку же таблицы Птолемея, Аммония и других древних со временем изменились до такой степени, что Солнце даже отклоняется от точного значения на 5 градусов, а кроме того это сложно для обучающегося из-за необычного использования лет и месяцев (ведь Птолемей пользовался годами от Навуходоносора и египетскими месяцами, а Теон, Ираклий и Аммоний – годами от Филиппа и египетскими месяцами, современные же – годами персидских правителей и сарацинскими), то из-за этого я изложил таблицу в соответствии с годами [от сотворения] мира и нашими месяцами и раскрыл для желающего простые и практичные методы, выравнивая отовсюду путь для того, кто поднимается к небесному. Сделал я это для

долготы и широты сего счастливого города, который находится посреди пятого климата.

2. О народах, которые использовали эту науку

Как мы читаем, первым, кто использовал эту науку, был Сиф, а от него ее получили халдеи. Затем от них она перешла к персам, а от тех – к грекам, от которых перешла к египтянам. От них и римляне получили посвящение в нее. Наконец, затем ее переняли агаряне²⁹. Вышеперечисленные народы, пока ею пользовались, обладали почти всемирным и победоносным господством. Поэтому я счел необходимым возобновить эту полезную для жизни науку у ромеев и насадить ее у христиан, чтобы они больше не отставали».

Автор представляет себя как христианина, поселившегося в некоем византийском городе после арабских завоеваний, причем в ту эпоху, когда арабская астрономия уже достигла значительных успехов. Для Дэвида Пингри тут все ясно³⁰: Стефан – современник того, кто называет себя Стефаном Александрийским и кто составил Гороскоп ислама, но, в отличие от того, его собственную характеристику следует воспринимать буквально: он только что эмигрировал из «Персии», т. е. халифата, в Константинополь, привезя с собой астрономию и астрологию, полный комплект последних

²⁹ Т.е. мусульмане, считавшиеся потомками Авраама и его рабыни Агари.

³⁰ PINGREE, *Classical and Byzantine Astrology*, p. 238–239.

ВОСТОЧНЫХ НОВИНОК.

Таким образом, Пингри сделал этого таинственного Стефана первым инициатором первого византийского гуманизма, и его тезис был с энтузиазмом принят арабистом Димитрисом Гутасом³¹. Но эта – довольно примечательная – соименность нашего философа Стефану Александрийскому наводит на размышления. Она вызывает подозрение, что это вымышленная и экзотическая личность, которая служит для того, чтобы возбудить любопытство и завоевать уважение читателей³². Более того, совсем недавно такая датировка была поставлена под сомнение Анной Тион, которая обратила внимание на то, что некоторые детали (погрешность в 5° в таблицах Птолемея, упоминания о новых таблицах и «современных» астрономах, положение «счастливого города» в пятом климате), больше подходят для XI в.³³

Итак, вполне возможно, что апология астрологии, известная под именем Стефана, «философа персидского», датируется на два столетия позже, чем апология Псевдо-Стефана Александрийского. Ощущается ли такая вторичность в самой апологии? Продолжение текста состоит из четырех глав, которые можно резюмировать следующим образом:

³¹ GUTAS, *Greek Thought*, p. 180–181.

³² DAGRON, *Les diseurs d'événements*; ID., *Formes et fonctions du pluralisme linguistique*, p. 235.

³³ TIHON, *L'astronomie à Byzance*, p. 185–190, и личное сообщение.

3. «Против тех, кто говорит, что эта наука (математика) греховна»

Астрономия, как и ядовитые вещества, запрещенные законом, может быть весьма полезна, если мы используем ее так, как ей пользуются врачи: она рождает в нас похвалу Творцу и возводит наш дух к созерцанию высшего света. Достаточно не следовать эллинам, почитающим небесные тела как богов; если мы будем рассматривать их как инструменты, подобно водяному колесу или огню, у которых нет собственного сознания или собственной воли, мы не отклонимся от христианской веры.

4. «О том, что весьма ошибается тот, кто ее не принимает»

Божья мудрость поместила Землю в центр небес, чтобы они могли влиять на то, что в них содержится. Об этом свидетельствует сложность их движений, которые производят рождения и смерти, изменения во времени, падения царств и войны. Если мы отказываемся признавать последствия небесных движений, мы отрицаем божественную Премудрость, утверждая, что Логос создал все напрасно. Кто отрицает божественную Премудрость, возводит хулу на Святого Духа, и это непростительный грех.

Далее в этой главе автор переходит к аргументу следующей главы, а именно к превосходству астрологии над другими искусствами и науками. В то время как последние обращены только на свои собственные предметы, польза астро-

логии распространяется и на другие науки: они нуждаются в астрологии, но астрология не нуждается ни в какой другой науке, потому что она касается всех земель мира и всех человеческих дел.

5. «О том, что она почтеннее всех наук»

Астрология предлагает предвидение будущего, что свойственно Богу и малому числу тех, кто этого заслужил либо благодаря просвещению Святым Духом, либо через трудное изучение математических наук. Более того, она занимается высокими и близкими к Богу предметами. Таким образом, она вдвойне представляется самым почтенным из искусств.

6. «О том, что звезды действуют не самовластно, а силой Творца»

Автор повторяет свой первый аргумент и снова настаивает на том, что не следует рассматривать звезды как одушевленные существа, которые действуют свободно.

«Когда ты слышишь названия знаков зодиака и планет и о приписываемых им воздействиях, не думай, что они одушевлены, имеют чувства или творцы сущего..., но они творения... Божьи. Итак, Он создал их, чтобы они славословили Его, и установил их как знаки на пользу людям, как и остальные элементы на земле, то есть воздух, огонь, воду и различные растения, для пользы и деятельности живых существ: сами они не приносят себе пользы. Ведь, как наши чувственные

органы, например, глаза,... не осознают себя..., так и звезды были созданы для пользы живых существ, напоминая им о прошлом, толкуя настоящее и являя будущее, согласно указанию всемудрого Создателя».

7. «О том, что медицинский и астрологический прогноз – это техническое предсказание (ἔντεχνος στοχασμός)»

Сравнивая астрологию с медициной, автор утверждает профессиональную ценность астрологии. Астролог, как и врач, делает свой прогноз на основании симптомов, следуя правилам своей науки. Но симптомы могут изменяться из-за причин, выходящих за рамки технических навыков специалистов: обычаев, законов, мест, образования, молитвы, пророчества.

Данный текст очевидно богаче на аргументы, чем Гороскоп ислама. Физический аргумент, заключающийся в утверждении неодушевленности и тварности природы звезд, имеет решающее значение в обоих случаях, но «Перс» добавляет к нему эпистемологические аргументы в пользу превосходства астрологии и богословский аргумент, который опровергает выдвинутое против астрологов обвинение в нечестии, утверждая, что астрология – это форма благочестивого созерцания. Он старается также не задеть чувства духовенства, признавая, что дар апостолов и пророков превосходит технику математиков, и допуская, что симптомы, предсказанные учеными врачами или астрологами, могут ослабляться из-за общественного строя, пророчества и

молитвы. Аналогия с медициной нова, хотя сама идея восходит к Птолемею, чье влияние очень заметно в последней главе. Можно сделать вывод, что Стефан «Перс» идет дальше Псевдо-Стефана, христианизируя аргументы Птолемея. Но он ничего не говорит о проблеме свободы воли, которую некоторым образом решал другой астролог – Псевдо-Стефан.

Итак, у нас создается впечатление, будто мы читаем по крайней мере двух разных авторов, и это впечатление подкрепляется соображениями филологического характера. Сравнение осложняется многочисленными, а иногда и значительными разночтениями в рукописной традиции текста Псевдо-Стефана. Однако даже если оставить в стороне сомнительные отрывки, можно заметить существенные различия в формулировках и лексике.

В отличие от «Перса», Псевдо-Стефан избегает упоминать астрологию по имени и называть ее наукой: он никогда не говорит ни об ἀστρολογία, ни о μαθηματική, ни даже о τέχνη, но использует перифразы: γνῶσιν... τῆς ἐνδεχομένης τε καὶ δυνατῆς ἀστροθεσίας, τῆς ἀποτελεσματικῆς γνώσεως. Он не объясняет упоминание пользы (ὠφέλεια), приносимой астрологией, которую «Перс» позаимствовал у Птолемея. Напротив, Псевдо-Стефан использует богатый понятийный аппарат, который не находит параллелей в творчестве его предполагаемого тезки: слова ἀποτελέσεις-ἀποτελεσματικός, ἀστροθεσία,

ἀστρονομικός, обозначающие воздействие звезд; оппозиция – фундаментальная для его тезиса – между интеллектом (νοῦς) и природой (φύσις); глагол «творить, создавать» (ποιεῖν) и его производные, созвучные слову ποιότης («качество»). Вообще, он пишет в более высоком стиле, с более длинными периодами и более риторично.

Заманчиво, рассматривая лишь литературную форму текстов, увидеть в них те этапы эволюции, на которых апологетика переходит от изобретения мифа к обоснованной формулировке тезиса: вначале он вводится ободряющим пророчеством и прикрывается авторитетом великого деятеля прошлого, а в конечном итоге заявляет о себе с точки зрения современной реальности. Но, учитывая все это, неясно, насколько один апологет превосходит другого в этом прямолинейном движении: ни один из них не представляет исчерпывающей апологии. Что касается влияния небесных тел на Землю, то эти тексты в основном представляют ту же схему, согласно которой звезды – одновременно знаки и действующие силы. Будучи агентами, они способны вносить изменения как в мир природы, так и в человеческое общество.

Псевдо-Стефан
времена года, ветры и дожди,
волнения на суше и на море,
мятежи народов, деяния царей,
начала войн,
плен и убийства

Стефан философ «Персидский»
смена времен года, рождения,
произрастание, дожди,
появление царств,
начала войн

Вне зависимости от того, современны ли эти тексты друг другу или нет, характер у них один и тот же: они вышли из греческой или грекоязычной среды, где, пусть и при помощи софистических аргументов, астрологию можно уверенно защищать. Где следует искать эту среду? Если верить Стефану, «философу персидскому», Константинополь следует исключить с самого начала; но независимо от времени написания, он, очевидно, преувеличивает, говоря, что там умерли астрономия и астрология. Для XI в. это утверждение явно противоречит свидетельствам о деятельности астрологов того времени. Оно гораздо лучше подходит к VIII в., ибо полностью согласуется с тем, как мы представляем себе уровень интеллектуальной культуры в Византии «темных веков», с 600 по 800 г.

Астрология в «Темные века». Впрочем, следует признать, что этот образ во многом обязан *damnatio memoriae* императоров Исаврийской династии, последовавшей за торжеством иконопочитателей на VII Вселенском Соборе 787 г. и произошедшей окончательно в 843 г. Сторонники иконопочи-

тания стремились не только представить Льва III и Константина V как глупых и неграмотных простецов (ἄλογοι), но и уничтожить все литературные произведения, происходящие из их круга, за исключением тех богословских сочинений, которые оставили для их опровержения. Несмотря на это уничтожение, сохранились следы астрономической активности в окружении Константина V (741–775). Именно правлением этого императора Дэвид Райт, следуя предложению Игоря Шевченко, предложил датировать оригинальную часть рукописи Vat. gr. 1291. Если эта датировка верна, то несомненно, что именно по инициативе Константина V и появляется этот прекрасный список «Подручных таблиц» Птолемея, незаменимого руководства для астрологов³⁴. В пользу новой датировки, кстати, можно добавить свидетельство рассказа о возникновении монастыря Одигон, где мы видим готовность Константина V сделать все, вплоть до основания монастыря, чтобы отрегулировать ход дворцовых часов (ὠροσκολεῖον)³⁵. Что может объяснить такую спешку, если не необходимость правильно использовать астрономические таблицы? В любом случае интересно отметить, что часы отремонтировал именно монах.

Согласно «Хронографии» Феофана, в 695 г. некий мо-

³⁴ WRIGHT, *The Date*, *passim*; SEVCENKO, *Search for the Past*, p. 279. Ср. BOLL, *Beiträge*, p. 105: «.. эти таблицы были всегда... основным инструментом астрологов».

³⁵ Ed. ANGÉLIDI, *Un texte patriographique*; о Константине V и его иконоборчестве см. G. DAGRON, in *Histoire du christianisme*, IV, p. 103–114.

нах Павел из константинопольского монастыря Каллистрата объявил себя «астрономом»³⁶. Итак, византийская астрология «темных веков» демонстрирует преемственность с прошлым, которую ей в значительной степени обеспечили «Божьи люди». Примечательно, кстати, что рукопись «Простых таблиц», скопированная для Константина V, содержит, на лл. 3–8, специальные таблицы для климата Византии, отождествляющиеся с теми, которые настоящий Стефан Александрийский создал во времена Ираклия³⁷. Из этого следует, что копия была сделана со списка, хранившегося в Константинополе, а не привезенного с Востока.

Но Константин V был современником первых халифов-Аббасидов, и трудно поверить, что его интерес к астрологии не имел ничего общего с влиянием астрологов на основателя Багдада. Источник вдохновения для идей, содержащихся в интересующих нас текстах, где более или менее явный «ориентализм» обнажает их восточное происхождение, нужно искать не в Константинополе эпохи иконоборчества. На самом деле, столь положительные суждения об астрологии можно найти лишь в исламском мире. Аль-Кинди, великий ученый IX в., чья работа принесла ему звание «философа арабов», был «убежденным приверженцем науки о

³⁶ THEOPHANES, *Chronographia*, ed. DE BOOR, p. 368.

³⁷ STEPHANUS ALEXANDRINUS, ed. USENER, *De Stephano Alexandrino*, p. 310; cp. WRIGHT, *The Date*, p. 359–360; TIHON, *Les Tables Faciles*, p. 54, 61–62.

звездах»³⁸: влияние планет на подлунный мир было основным принципом его философии³⁹. Его современник, астролог Абу Машар, повторяет Птолемея и развивает философский аргумент, что астрология – это рациональная наука⁴⁰. В конце X в. бывший правитель Гранадской *таифы* Абдаллах ибн Булуггин вспоминает об астрологе, который оправдывал себя, утверждая, что астрономия – форма поклонения Господу⁴¹. Это напоминает Стефана, «философа персидского», и вполне может указывать на то, что этот астролог излагает учение, распространенное среди его коллег в Багдаде в X–XI вв.

Сирийская астрология. Но оправдание астрологии в Багдаде началось задолго до этого. Одним из первых, кто сформулировал его, был христианин-маронит – Феофил ибн Тума из Эдессы, главный астролог второго аббасидского халифа аль-Махди (775–785)⁴². Труды Феофила имели широкое

³⁸ M.-Th. D'ALVERNY, L'homme comme symbole. Le microcosme, *Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'Alto Medioevo* 23, 1976, p. 149.

³⁹ См., например, Al – Kindi, *De radiis*, ed. M. Th. D'ALVERNY – F. HUDRY, *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge* 41, 1974, p. 218, 221; см. в целом АТИЙЕН, *Al-Kindi*, p. 75–76, 79.

⁴⁰ VADET, Une défense de l'astrologie; LEMAY, R. Des sages antiques aux astrologues médiévaux. Falsafa et astrologie, in *La science des deux*, p. 167–182; BURNETT, The Certitude of Astrology; ADAMSON, Abu Ma'sar.

⁴¹ *The Tibyān. Memoirs of 'Abd Allah b. Buluggin last Zirid Amir of Granada*, A.T. TIBI transl., Leyden, 1986, p. 181, 182–183.

⁴² ТИНОН, L'astronomie à Byzance, p. 190–191; PINGREE, From Alexandria to Baghdad to Byzantium, p. 13–20.

распространение в Византии. Неизвестно, были ли они написаны на греческом, но автор, безусловно, владел языком Гомера, Галена и Аристотеля, чьи произведения переводил на сирийский. В рукописи Vat. gr. 212 от него дошел небольшой апологетический трактат, адресованный его сыну Девкалиону⁴³. Трактат представлен там как дополнение к апологии «математической науки», которую автор уже составил прежде. Та первая апология собрала в себе множество свидетельств из Священного Писания и авторитетных философов, язычников и христиан.

Девкалион должен не бросать астрологическую науку и не допускать никаких сомнений в ее отношении, ибо она превосходна и возвышенна, она царица всех наук, даже если ее высмеивают многие, особенно некоторые церковные иерархи. Одни говорят, что она ничто, другие – что она ошибочна. Пусть Девкалион не позволяет себе отступить, ибо Феофил уже в своей предыдущей книге обуздал тех, кто восстает на святейшую и возвышеннейшую астрологию. Далее следует краткое изложение, призванное продемонстрировать подчинение планетам семи дней недели; в конце автор рассуждает о значении числа семь. Соломон говорит, что мудрость построила себе дом с семью столпами; Исаия – что у Господа семь очей, глядящих на обитаемый мир. «Что может быть яснее и правдивее этого факта? Семь планет, пересекающих

⁴³ CCAG V, 1, p. 234–238; PINGREE, *loc. cit.*, считает, что его действительно звали Ноем.

зодиак в противоположном направлении и меняющих своим положением и конфигурацией изменчивую природу подлунных вещей. Творец возложил на них эту задачу: рождение, уничтожение и возрождение тварей».

Аргументация здесь, возможно, менее развита, чем в трактатах так называемых Стефанов: прежде всего, отсутствует основной аргумент о неодушевленной природе звезд. Но это можно объяснить дополнительным характером труда, который находится в нашем распоряжении. В любом случае текст Феофила содержит зародыши нескольких аргументов, которые мы находим у Стефана «Персидского»: «святейшая и возвышеннейшая астрология» – царица наук; влияние планет – действие Провидения; астрология, как медицина и натурфилософия, – законная наука, хотя и менее совершенная, чем духовная мудрость пророков, апостолов и подвижников.

Вполне вероятно, что Феофил сформулировал эту аргументацию, чтобы защитить себя от обвинений, которые выдвигались против него представителями духовенства, будь то марониты или яковиты, когда он стал придворным астрологом. Поэтому очень заманчиво заключить, что попытка христианизировать астрологию получила беспрецедентную популярность у первых Аббасидов. Но во времена аббасидской революции Феофилу, родившемуся около 695 г., исполнилось пятьдесят лет, и его научное образование, несомненно, было полным. Тогда мы должны задаться вопросом, не было ли в той среде, где он сформировался, чего-то тако-

го, что стимулировало бы астрологию как в теории, так и на практике.

Эдесский регион, расположенный на границе римского мира и Персии, имел древние интеллектуальные традиции, основанные на соединении греческой и восточной культур. Стремление христианизировать астральный детерминизм возникло там очень рано: оно прослеживается еще в труде Бардесана Эдесского (154–222)⁴⁴, который Фотий резюмирует на основе его критики Диодором Тарсийским. По мнению Бардесана:

«душу [астрология] делает свободной от рока и от так называемого гороскопа, сохраняя ей свободную волю, но подчиняет его управлению тело и все, что с ним связано: я имею в виду богатство, бедность, болезнь, жизнь, смерть и все, что не зависит от нас; и все это она считает действиями рока»⁴⁵.

Это действительно соответствует той мысли, которая выражена в дошедшем до нас основном труде Бардесана «Книга законов стран»⁴⁶. Его влияние проявляется в той полемике, которую он вызвал у нескольких богословов IV–V вв., прежде всего у святого Ефрема Сирина.

Опровержение идей Бардесана и его сторонников сопро-

⁴⁴ См. в целом F. NAU, *Bardesane*, *DTC*, II, col. 391–397, и DRIJVERS, *Bardaisan*, который оспаривает эпитет «астролог», использованный Но.

⁴⁵ PHOTIUS, *Bibliotheca*, ed. transl. HENRY, IV, № 223, p. 8–9.

⁴⁶ Ed. transl. NAU, *Bardesane*, и DRIJVERS, *Bardaisan*.

вождало формирование знаменитой богословской школы в Эдессе, которая блистала в течение полувека, прежде чем переехать в персидский Нисибин⁴⁷. Нет сомнений в том, что память об «арамейском философе» была жива еще в VIII в.⁴⁸, причем настолько, что Феофил Эдесский сознательно ввязался в этот спор, уже давно шедший в его стране, – спор, который Ф. Но характеризует так: «Натурфилософия и адаптация этой философии к догматам, предпринятая Бардесаном, были безжалостно запрещены монахами, из которых самой выдающейся личностью был святой Ефрем; их заменили мистическим богословием, которое сочло разумным оторвать людей от изучения мира, чтобы вести их к постижению Бога»⁴⁹.

Недалеко от Эдессы находился город Харран (Карры), который вплоть до X в. оставался важным центром неоплатонической мысли и языческой религии, с ярко выраженным поклонением звездам⁵⁰. Дэвид Пингри предполагает, что Фе-

⁴⁷ См. из последнего E. HUNTER, *The Transmission of Greek Philosophy via the «School of Edessa»*, in *Literacy, Education and Manuscript Transmission*, HOLMES-WARING ed., p. 225–241. Автор не следует цитируемому ею тезису из BROCK, *From Antagonism to Assimilation*, что перевод философских текстов на сирийский язык был сделан позднее (VI—VII вв.), чем перевод религиозных сочинений.

⁴⁸ См. NAU, *Notes d'astronomie syrienne*, p. 209–219, и DRIJVERS, *Bardaisan*, p. 185–212.

⁴⁹ NAU, *Bardesane*, p. 23.

⁵⁰ См. TARDIEU, *Sabiens*; T. GREEN, *The City of the Moon God: Religious traditions of Harran*, Leyden, 1992.

офил обучался именно там, и это вполне возможно⁵¹. Однако можно усомниться в том, что именно у харранских сабейцев он научился отстаивать дело астрологии перед широкой аудиторией. Чтобы лучше понять род занятий Феофила, необходимо поместить его в контекст той культуры, которая была для него общей с другими христианами, говорившими на сирийском языке, потому что именно их симпатии он и хотел завоевать. Сирийский христианский мир в начале VII в. находился на пересечении двух сфер, благоприятствующих астрологии: с одной стороны, это было влияние зороастрийской Персии с ее традициями культа Солнца и официальной астрологии, обогащенной контактами с Индией; с другой стороны, сравнительно недавняя рецепция греческой науки и философии интеллектуальной культурой сирийских общин⁵². Феофил Эдесский был не единственным, кто испытал такое влияние. Приведем пример Севера Себокта, переводчика греческих и персидских текстов, защитника восточной науки от интеллектуального снобизма греков⁵³, автора трактата об астрологии⁵⁴ и трактата о созвездиях⁵⁵.

⁵¹ PINGREE, *From Alexandria to Baghdad to Byzantium*, p. 13.

⁵² См. BROCK, *From Antagonism to Assimilation*; IDEM, «The Syriac Background», in *Archbishop Theodore*, M. LAPIDGE ed., p. 30–53.

⁵³ NAU, *Notes d'astronomie syrienne*, p. 225; *La cosmographie chez les Syriens*, p. 248–250; ср. BROCK, *From Antagonism to Assimilation*, p. 23–24; «The Syriac Background», p. 48.

⁵⁴ Ed. NAU, *Le traité sur l'astrolabe plan*.

⁵⁵ Ed. NAU, *Le traité sur les constellations*.

Или вспомним Иакова Эдесского, тоже переводчика и автора энциклопедического комментария к «Шестодневу», который демонстрирует хорошее знание астрономии⁵⁶. Упомянем, наконец, Давида бар Павлоса, который выразил восхищение греческой философией, назвав Порфирия «образом Божества»⁵⁷. Притом все трое были монахами, а Север и Иаков даже стали епископами. Правда, оба они критиковали астрологию⁵⁸, но их критика свидетельствует о знании этого предмета и его важности для их аудитории.

Подобно отцам IV–V вв., чьи аргументы они повторяют, Север и Иаков выступают против этого явления, очень актуального для их общества, с той лишь разницей, что, отказываясь от астрологии, не презирают светскую науку, которая в их интерпретации зависима от богословия. В отличие от греческой *пайдеи*, сирийская школа, как и латинское и славянское Средневековье, была основана на Священном Писании, а философские и научные тексты переводились с греческого, чтобы служить толкованию Библии и изъяснению догматов⁵⁹. Адаптированное таким образом, изучение мира больше не было противопоставлено постижению Бога, и на него можно было взирать без недоверия.

⁵⁶ Ed. CHABOT, transl. VASCHALDE; cp. H. J. W. DRIJVERS, Jakob von Edessa. *Theologische Realencyclopädie*, XVI, Berlin, 1987, p. 468–470.

⁵⁷ Cité par BROCK, *From Antagonism to Assimilation*, p. 25.

⁵⁸ Ed. NAU, *Le traité sur les constellations*, гл. V.

⁵⁹ R. BROWNING, in *Cambridge Ancient History* XIV, p. 868–869, 882–883.

Сирийский христианский мир VII в. действительно отличается высокой оценкой астрономии, которую трудно отделить от астрологии, несмотря на недовольство ее церковных сторонников. Такая оценка, которая объясняется обстоятельствами, характерными для этого региона и того времени, была беспрецедентна для позднеантичной Церкви. Тем не менее научное и философское образование, на которое она опиралась, было основано на школьной культуре той же христианской империи, в первую очередь на школах Александрии. Вместе с этим отметим, что ни один из элементов апологии астрологии у Феофила не чужд греческим и христианским традициям. Итак, можно задаться вопросом, не восходят ли истоки этого к позднеантичной Александрии. Прежде чем в следующей главе мы углубимся в тот культурный контекст, в котором развивалась астрология в Византии VII в., важно проанализировать ее судьбу там в предшествующем столетии.

Византийская астрология в VI в. В целом VI в. был тяжелым для астрологии, как и для любого другого отклонения от ортодоксального христианства. Юстиниан (527–565) возобновил и решительно применял законы Диоклетиана, Констанция II и Феодосия II против «математиков»⁶⁰. По словам Прокопия Кесарийского, он наказывал астрологов как обычных воров: беззащитных стариков избивали плетьюми и

⁶⁰ *CJ* I. 4.10; IX. 18.2, 5, 7, 8; о греческом образовании вообще см. MARROU, *Histoire*.

с позором возили по Городу на верблюдах только за то, что они осмелились заниматься в столице наукой о звездах. В результате многие из них бежали к варварам или в дальние провинции империи⁶¹. Вероятно, эта мера была связана с описанным у Иоанна Малалы указом, которым император запретил преподавание философии и астрономии в Афинах⁶², – запрет, который можно сопоставить с известием Агафия Миринейского о добровольной эмиграции семи философов, покинувших империю, ко двору персидского царя⁶³. Однако астрологи, несмотря ни на что, продолжали заниматься своим делом: они обнаруживаются в Смирне⁶⁴, Антиохии⁶⁵, Египте⁶⁶ и даже Константинополе, при Юстиниане⁶⁷ и Маврикии⁶⁸.

⁶¹ PROCOPE, *Anecdota*, XI. 37–40.

⁶² MALALAS, *Chronographia*, XVIII. 47, ed. THURN, p. 379; великолепный анализ см. в J. BEAUCAMP, *Le philosophe et le joueur*.

⁶³ AGATHIAS, *Historiae*, II30–31, ed. KEYDELL, p. 79–81.

⁶⁴ *Anthologia graeca* X 365: эпиграмма Агафия на крестьянина, который советуется с астрологом по имени Аристофан.

⁶⁵ *Vita Symeonis Stylitae Junioris*, ed. trad. VAN DEN VEN, § 78, 157, 161, 1.1 p. 67, 138, 144; t. II p. 84, 161, 168.

⁶⁶ Примеры начала VII в. см. в PINGREE, *From Alexandria to Baghdad* (Петорий, автор астрологического трактата); SOPHRONIUS, *Miraclula SS. Cyri et Joannis*, ed. MARCOS, № XXVIII, p. 294–298.

⁶⁷ AGATHIAS, *Historiae*, ed. KEYDELL, p. 169: предсказание конца света людьми, которые изучали положение звезд на время землетрясений 557 г.

⁶⁸ JOANNES DE NICIU, *Chronica*, transl. ZOTENBERG, p. 525: «один магистрат, разбиравшийся в астрологии, и другой, по имени Лев Логофет, которые

Однако меры, принятые Юстинианом, должны были нанести очень серьезный удар по астрологам. Их сдержанность проявляется в той осторожности, с которой Иоанн Лид, юстиниановский чиновник, ссылается на астрологию в своих трактатах «О знаках» и «О месяцах», первый из которых напрямую связан с гаданием⁶⁹. Мне, кстати, кажется важным, что «Подручные таблицы» Птолемея, необходимые для любого гороскопа, были адаптированы к координатам Константинополя в 619 г. Стефаном Александрийским, причем по указанию Ираклия⁷⁰

наблюдали появившуюся на небе звезду, утверждали, что эта звезда указывает на убийство императора»

⁶⁹ JOANNES LYDUS, *Liber de ostentis*, ed. WACHSMUTH; *Liber de mensibus*, ed. WUENSCH; см. в целом MAAS, *John Lydus and the Roman Past*.

⁷⁰ TIHON, *Les Tables Faciles*, p. 54.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.